

ЛЕСИЯ КОРНУОЛЛ

**Долг
или страсть**

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К67

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Lecia Cornwall

ONCE UPON A HIGHLAND SUMMER

Перевод с английского *Т.А. Перцевой*

Компьютерный дизайн *С.П. Озеровой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения литературных агентств
Taryn Fagerness и Synopsis.

Корнуолл, Лесия.

К67 Долг или страсть : роман / Лесия Корнуолл ; [пер. с англ. Т.А. Перцевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-092962-7

Алек Макнаб, граф Гленлорн, разрывается между долгом, обязывающим его спасти семью от разорения, женившись на дочери богатого аристократа, и тайной страстью к гувернантке Кэролайн. Взять возлюбленную в жены он не может, отпустить ее — не в силах. Страдает и Кэролайн, понимая, что брак с любимым невозможен.

Несчастливы все — даже невеста Алека, которая не любит своего нареченного и согласилась выйти за него, лишь повинаясь воле отца. Неужели одна свадьба разобьет сразу три молодых сердца? Или любовь все же сотворит чудо?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Lecia Cotton Cornwall, 2013
© Перевод. Т.А. Перцева, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers,
2017

ISBN 978-5-17-092962-7

Пролог

— Ангус Макнаб!

Неужели ему не будет покоя даже в собственной могиле?!

При жизни он и без того испытал достаточно мук.

Ангус зажмурился и попытался игнорировать тихий голос, зовущий его, влекущий, тянувший обратно в этот мир. Владелица этого голоса знала, что она одна-единственная, кто способен на такое.

— Макнаб, я знаю, ты меня слышишь. Прекрати упрямиться и выходи! Мы не оказались бы здесь, не будь твоего дурацкого проклятия, так что ты должен помочь мне все исправить.

— Упрямиться! — прорычал Ангус, не в силах противиться вызову. — Тот самый случай, когда горшок над котлом...

Он осекся и воззрился на Джорджиану, мерцающую в воздухе перед ним. Моргнул, гадая, уж не видит ли призрак. Но тут же припомнил, что призрак — он сам.

Даже мертвая Джорджиана обладала даром поражать своей красотой и заставлять его задыхаться от восхищения — если у него еще осталась возможность задыхаться. Она склонила голову набок и улыбнулась ему. Как раз так, как делала это при жизни. Прошло почти шестьдесят лет с тех пор, как Ангус видел эту улыбку. Но не забыл. И теперь улыбка вли-

валась в него, как сама жизнь, наполняя страстью и болью.

Джорджиана Форестер, покойная графиня Сомертон, подняла брови, словно ожидая, что он закончит фразу. Но не дождалась. Как Ангус мог говорить, если ее взгляд скользил по пледу, в котором он был похоронен? Он выглядел лучше некуда, когда его опускали в могилу.

Ангус гордо расправил плечи и нахлобучил на лоб берет лэрда.

— На тебе красивое платье. По-прежнему смотришься девушкой.

Его девушкой.

Джорджиана пренебрежительным взглядом окинула серебряный атлас.

— Ненавижу это платье. В нем я выходила за Сомертона, и в него же меня обрядили, чтобы положить в гроб. Единственное, что в нем хорошего — оно по-прежнему прекрасно сидит! После стольких лет. Не знаю, как они его нашли. Я приказала горничной его сжечь.

Макнаб нахмурился, и орлиное перо на берете упало на глаз. Три пера — знак вождя клана. Лэрд. Господин над каждым камнем, островком травы и голодающим ребенком, насколько хватало глаз с ветшающей старой башни замка Гленлорн, где они сейчас стояли. Это было местом их свиданий, пока... Гнев, тлевший в нем с давних времен, разгорелся с новой силой.

— Сомертон! — выплюнул он имя, вложив в звук его всю ненависть, терзавшую душу шестьдесят лет. — Только жалкий дурак способен похоронить жену в подвенечном платье!

Подбородок Джорджианы надменно поднялся.

— Ты сказал, что оно тебе нравится. Кроме того, день моей свадьбы так же печален, как и день похорон. Думаю, это вполне подходящий выбор.

Макнаб вздохнул, и ветер тут же зашумел в деревьях за крошившимися стенами башни.

— Да, но мы здесь не для того, чтобы спорить о наших погребальных одеждах.

Он оглядел башню, крыша которой давно разрушилась. Покрытые мхом камни, обрамлявшие окна, позволяли увидеть залив, озеро и новый замок Гленлорн на противоположном конце долины. Новый замок, насчитывавший уже сто пятьдесят лет, выглядел почти таким же заброшенным, как башня, хотя последняя была старше на четыре века. Лэрд снова вздохнул.

Если он повернется и глянет на восток, сможет увидеть замок дяди Джорджианы, Лаллах-Грейндж. Но он не поворачивался. Ангус провел шестьдесят лет, высматривая в пустом доме свечу на окне — сигнал, что она придет к нему сюда, в башню. Но свеча не загоралась с тех пор, как их семьи разлучили влюбленных навечно. Знакомая горечь потери снова наполнила Ангуса, и он повернулся, гневно взглянув на нее.

— Чего ты хочешь от меня, женщина? — проворчал он.

Но Джорджиана смотрела ласково, без тени робости.

— Ты проклял нас, Ангус.

— У меня была достаточно веская причина!

Она покачала головой, печально улыбаясь:

— Мы были влюблены, а нам запретили пожениться, но твое проклятие отозвалось на двух поколениях обеих семей. Этому надо положить конец. Я хочу, чтобы моя внучка познала то счастье, которое знали мы, Ангус.

— Было ли это счастьем? Воспоминание о нем сделало остаток наших жизней невыносимым. Во всяком случае, остаток моей. Я, конечно, не могу говорить за тебя.

Не было дня, чтобы он не думал о ней. Ее имя было последним словом, слетевшим с его губ.

Джорджиана посмотрела на свою руку. Здесь когда-то красовалось обручальное кольцо. Семейное наследие теперь украшало палец нынешней графини. Но Джорджиане недоставало другого кольца. Кольца, которое дал ей Ангус в ту ночь, чтобы скрепить их любовь. Кольцо клятвы верности с маленьким рубином.

— Ни один из нас не нашел радости в наших браках. — Она обвела рукой башню. — Но я испытала истинное счастье в ту ночь в твоих объятиях.

Ангус видел место, о котором говорила Джорджиана, сквозь ее прозрачное тело. Укромный уголок, где они лежали вместе, завернутые в плед. Любили друг друга, шептались о будущем, клялись в верности.

У него заныли руки от безумного желания и невозможности коснуться ее. Могут ли они касаться друг друга? Он не знал. Но потянуться к ней и снова обнять воздух... эта мысль была невыносима...

— Ты пришла в скверное время, любимая, — выдал он. И затрепетал, когда она нежно ему улыбнулась. — Мой сын только что умер, и клан остался без вождя. Моя невестка пытается продать землю англ...

— Без вождя? Но у тебя есть внук. Не так ли?

— Верно. Но Алек покинул Гленлорн много лет назад и поклялся, что никогда не вернется. Может, это и к лучшему.

— Ты сам в это не веришь.

— Но что у него осталось тут, дома? К чему возвращаться? — с горечью спросил он.

Джорджиана подплыла ближе и встала рядом.

— Но это его земля, Ангус. И еще есть любовь. Любовь, которая исцеляет все.

Ангус посмотрел на нее. Увидел надежду в глазах. Этот взгляд, эта надежда когда-то заставили его влюбиться в нее, поверить в невозможное.

Он снова отвел глаза, борясь с пробудившимся в груди чувством.

— Не воображаешь же ты, что я действительно верю в любовь?

Она протянула руку, положила ему на плечо. Он не ощутил прикосновения. Но там, где их тени соединились, вспыхнул свет, и тьма налилась ровным сиянием.

— Когда-то ты верил: дочь англичанина и шотландец — кто мог представить такое в столь жуткие времена? Это было почти невозможно.

— Это было просто невозможно.

Джорджиана рассмеялась. Звук эхом отразился от стен башни, заставив вспорхнуть птицу, улетевшую в ночь с испуганным криком. Джорджиана не обратила на это внимания:

— Невозможно для них. Но не для нас. Сомневаюсь, что мы снова встретились бы в этом месте, если бы наша любовь умерла.

Нет, его любовь к ней так и не умерла. Даже здесь, по другую сторону смерти. Он любил ее по-прежнему, но какой теперь в этом смысл? Или боль не покинет его и в вечности? Как не покидала всю жизнь.

— Что общего все это имеет с Алеком? — вырвалось у него. Может, это игра воображения, но неужели он чувствует запах ее духов?

— Мою внучку зовут Кэролайн.

Опять этот нежный, мягкий, любящий голос...

— Кэралайн? Хочешь выдать ее за моего внука? Но как ты можешь быть уверена, что они друг другу подойдут? Нынешнему графу Сомертону наверняка не понравится брак между его внучкой и нищим шотландским лэрдом!

— Предоставь его мне. Нужно только познакомить мою Кэралайн и твоего Алека, возможно, напомнить...

Она бросила многозначительный взгляд на место их тайных встреч.

— У нее есть деньги? — грубо спросил Ангус, пытаясь игнорировать нежные воспоминания. — Ему нужно жениться на девушке с чертовым состоянием, если он хочет спасти замок и земли.

Джорджиана небрежно отмахнулась:

— У Кэралайн вполне приличное приданое, но это почти не имеет значения. Они найдут выход, не из-за денег, конечно. Любовь, Ангус, любовь.

Звук этого слова закружился в воздухе и смягчил его сердце.

— Я не против попыток, возлюбленная, но мы не можем заставить их влюбиться или быть уверенными, что эта любовь продлится вечно.

Она сладостно улыбнулась, вздохнула, и белый вереск, росший под башней, шелохнулся.

— Уже почти лето, Ангус. Вспомни, как легко нам было влюбиться летом! Все, что требуется, — привести их сюда. Дальше все пойдет само собой.

Ангус нахмурился, все еще полный сомнения в том, что все связанное с любовью или свадьбой может быть так просто...

Над их убежищем темные зловещие тучи закрыли луну. Гром пробормотал мрачное предупреждение.

На мирную долину Гленлорн вот-вот обрушится буря.

Глава 1

— Я хочу выслушать твое решение сейчас, если тебе будет угодно.

Леди Кэролайн Форестер рассматривала ковер в кабинете единокровного брата. Как все в его лондонском особняке, ковер был дорогим, элегантным и выбренным исключительно с целью показать богатство графа Сомертона. Она упорно смотрела на голубые завитки и арабески, вплетенные в узор ковра, и гадала, из какой дальней страны он прибыл, словно сама была готова скорее поехать туда, чем сделать выбор, которого требовал Сомертон.

— Ну же! — нетерпеливо бросил он. — У тебя есть два поклонника. Надо выбрать одного. Виконт Спид, с доходом две тысячи фунтов в год, когда-нибудь унаследует титул отца.

— В Ирландии, — прошептала Кэролайн себе под нос. У Спида была маслянистая, вечно влажная кожа, он картавил и ухаживал за ней только потому, что надеялся обогатиться, получив ее приданое. По крайней мере ненадолго, пока не потратит ее деньги. Как потратил свое состояние на любовниц, вист и лошадей.

— А лорд МанDEVИЛЛ владеет чудесным поместьем на границе с Уэльсом. Там живет его мать, и она будет прекрасной компанией для тебя.

МанDEVИЛЛ не проводил там и дня именно из-за своей матери. Кэролайн пробыла в Лондоне всего ме-

сяц, но слышала сплетни. Леди Мандевилл расправлялась с высокородными компаньонками точно так же, как Шарлотта, жена Сомертона, с пирожными за чаем. Леди Мандевилл славилась отвратительным характером, острым языком и любовью к собакам. Она выращивала дюжины, а может, и сотни тьявкаующих несимпатичных маленьких тварей, которые вели себя точно так же, как хозяйка, если верить многочисленным историям. Леди, которой выпадет несчастье стать женой лорда Мандевилла, будет компаньонкой свекрови, пока одна из них не умрет, без возможности уволиться с работы и занять более сносную должность.

— Так какого джентльмена ты выберешь себе в мужа? — продолжал допытываться Сомертон, меряя шагами комнату: плечи расправлены, руки сцеплены за спиной, лицо серьезное.

Кэролайн рассмеялась, когда он впервые сказал ей о предложении, сделанном сразу двумя поклонниками. Но оказалось, это не шутка. Брат действительно ожидал, что она выберет одного из двух мерзких претендентов, которых он предназначил для нее. Он надменно смотрел на сестру, вздернув свой орлиный нос — черта, унаследованная от их отца, вместе со светлыми глазами навывкате. Кэролайн была похожа на мать, вторую жену покойного графа, и, возможно, именно поэтому Сомертон видеть ее не мог. В молодости он яростно возражал против женитьбы отца, потому что невеста была чересчур молодой, чересчур красивой, да еще дочерью простого баронета, без состояния или влиятельных связей. Ему не нравились даже рыжие волосы графини.

Кэролайн подняла руку, чтобы заправить непокорный рыжеватый локон за ухо. У Спида были рыжие, вернее, оранжевые волосы и редкие розоватые ресницы.

Она подумала о своей кузине Лотти, которая наверху примеряла свадебное платье, споря с матерью о том, какого оттенка лента лучше подходит к цветам в букете. Она выходила за Уильяма Резерфорда, викария Мирза, Уильяма, принадлежавшего Кэролайн, человека, которого она знала всю свою жизнь, старшего сына и наследника графа Холлиуэлла, соседа и ближайшего друга родителей. Всегда считалось, что она выйдет за одного из сыновей Холлиуэлла, но Синджон, младший сын графа, покинул дом, чтобы вступить в армию и пойти на войну, вместо того чтобы сделать предложение Кэролайн. А теперь Уильям, который, как считала Кэролайн, станет ее женихом, предпочел Лотти.

Кэролайн закрыла глаза. Все это похоже на некое проклятие. Впрочем, какая теперь разница? Уильям сделал свой выбор. Возможно, этот брак станет счастливым, и невесте пристало радоваться. Будущее должно нести любовь и счастье!

Но Кэролайн даже не нравились поклонники. Они ухаживали за ее приданым и ради связей с Сомертоном. Им нужны ее деньги. Не она сама.

— Неужели так трудно выбрать? Тебе уже двадцать два года. Время не ждет, — холодно заметил Сомертон. — Полагаю, хотя бы один из джентльменов достоин твоего внимания? Находишь ли ты, что Спид красивее, или, возможно, тебе приятнее беседовать с МанDEVиллом?

«Нет и нет!»

Она подняла глаза на единокровного брата, человека, на двадцать четыре года старше ее самой, одного из самых влиятельных аристократов в королевстве. И уже была готова молить его, но тут же увидела, что это бесполезно. Он женился на дочери такого же влиятельного графа и, казалось, счастлив с женой, хотя

Шарлотта была фурией, сплетницей и обжорой. Весила она восемнадцать стоунов и просто не расставалась с тарелкой цукатов.

Спид был мужской версией Шарлотты. Мандевилл, как и Сомертон, был помешан на собственной значимости.

Нет, спорить не имеет смысла. Отказываться — тоже. Сомертон уже все решил. В отличие от Кэролайн. Ее единокровный брат — человек жесткий, не знающий, что такое сочувствие. Она для него — проблема, которую следует решить по возможности быстро и без лишнего шума. Кэролайн стала нежеланным бременем теперь, когда ее мать умерла. Она знала, что если откажется выходить замуж, он сам выберет ей жениха, и невозможно сказать, какой из двух хуже.

Кэролайн переминалась с ноги на ногу, отчего он перестал ходить по комнате и воззрился на нее, как на добычу.

— Кэролайн? — подтолкнул он.

Завитки на ковре угрожали подняться и задушить ее, хотя беды уже сами прекрасно справлялись с этим.

Она вымученно улыбнулась:

— Я обещала Лотти, что помогу выбрать платье для свадебного путешествия. К свадьбе нужно столько успеть, что у меня не было ни секунды подумать о собственном замужестве, — сказала она по возможности беспечно, нервно поворачивая на пальце кольцо с рубином, наследие матери.

— Прошло уже два дня, — упрекнул Сомертон. — Сколько времени требуется, чтобы сделать такой простой выбор?

Кэролайн закрыла глаза. Разве это так просто? Она была сентиментальным ребенком и выросла настоящим романтиком, особенно если речь заходила о любви и замужестве. Она всегда считала, что когда-нибудь

с первого взгляда узнает человека, женой которого захочет стать. Ощутит волну любви, что согреет ее с головы до ног, и услышит хор ангелов. Но при виде же Мандевилла и Спида она ощущает только ужас.

По коже поползли мурашки. А вороны прокаркали предупреждение.

«Беги!» — вихрем промелькнула в голове мысль.

Кэролайн встретила взгляд Сомертона, пытаясь набраться мужества для отказа, но лед в его глазах сковывал ее. Воспитанная в послушании, она терпела, даже когда ярмо натирало шею.

— Завтра... я дам ответ завтра.

Он прищурился, словно подозревая неладное. Она растягивала губы в улыбке. Пока не стало больно.

— За завтраком. Понятно? — изрек он наконец.

— Абсолютно, — пробормотала она. — Можно идти?

Но брат уже отвернулся, словно был занят куда более важными делами, а она отнимает у него время. Но Кэролайн осмелилась уйти и без его дозволения.

Наверху визжала Шарлотта, ругая модистку, осыпая несчастную проклятиями, потому что кружево не идеально лежало на груди Лотти. Кэролайн было жаль портниху: ведь уже за полночь, а Шарлотта в третий раз изменяла фасон платья дочери. Кэролайн не сомневалась, что Шарлотта выдала бы свою золовку замуж в мешке из-под муки, лишь бы поскорее навсегда избавиться от нее: с глаз долой — из сердца вон...

Где-то хлопнула дверь, и по лестнице сбежала горничная, чуть не налетев на Кэролайн.

Бедняжка залилась краской и едва не упала, пытаясь одновременно присесть и мчаться дальше.

— Простите, миледи, наверху требуют еще пирожных с патокой.

С этими словами она, как испуганный кролик, метнулась по коридору к кухне.

Кэролайн положила руку на перила. Подняла ногу над первой ступенькой... и остановилась.

Наверху послышался шум очередной ссоры, и Лотти разразилась громкими рыданиями.

Кэролайн отступила. Ей следовало пойти и помочь, утешить кузину, или лечь в постель и думать о том, кого выбрать. Но какой в этом смысл? Она никогда не сможет заставить себя выбрать Спида или Мандевилла.

«Беги...»

Девушка повернулась, гадая, не послышался ли чей-то голос. Но рядом никого не было. Только плащ и шляпка модистки висели на колышке у входной двери.

«Беги».

Кэролайн схватила плащ, накинула на плечо и нахлобучила шляпку на голову. Медный засов входной двери казался ледяным под ее ладонью. Сердце гулко колотилось. Сверху послышался очередной яростный визг. Она открыла дверь и вышла. Дверь захлопнулась, отсекая противные вопли. Кэролайн секунду постояла на ступеньке, оглядывая темную улицу. Гадая, куда идти. Еще один выбор — и он не может ждать до утра.

Набрав в грудь воздуха, она подняла капюшон плаща и повернула направо. Подальше от огней Сомертон-Хауса. Кэролайн стремилась поскорее уйти в тень. Завтра Сомертон поймет, каков ее выбор, когда утром спустится к завтраку.

Глава 2

Алек Макнаб поднял воротник пальто, чтобы скрыть лицо, отворил дверь в спальню графини Брей и проскользнул в темную комнату. Немного помед-

лил, сжимая дверную ручку, чтобы позволить глазам привыкнуть к мраку и посмотреть, не собирается ли леди вскочить и закричать. Затаил дыхание, прислушался к тиканью часов, громкому, как удары молота.

Лежавшая под одеялом гроподобная фигура не шевелилась, тихо похрапывая. Алек выдохнул и улыбнулся. Графиня, очевидно, утомилась, протанцевав полночи на балу леди Элсли.

Он оглядел комнату, пытаясь определить, с чего начать.

Хрупкость белоснежной мебели заставила его ощутить себя слишком высоким, слишком смуглым, слишком мужественным для такого места. Если она откроет глаза, наверняка решит, что шотландцы набрасываются на спящих женщин, грабят, насилюют, а потом убивают.

Алек насмешливым взглядом окинул кровать. Графиня Брей — последняя женщина на земле, которую он хотел бы изнасиловать. А вот грабеж — дело другое.

Он подошел к туалетному столику. Драгоценности, которые графиня надевала на бал, были небрежно разбросаны между флаконами духов и щетками. Но Алек проигнорировал их и открыл ящичек, отодвинув кружевные носовые платочки в поисках скрытой панели, которую, как подозревал, нужно искать в самой глубине. Какая леди, имеющая столько секретов, сколько графиня Брей, не обзаведется таким тайником? Она так самодовольна, что вряд ли ей в голову придет возможность ограбления. И что вор будет точно знать, где найти этот тайник. У каждой женщины есть тайники для любовных записочек, дневников, безделушек, которые дарят любовники, и каждая женщина уверена: никто никогда их не найдет.